Быстро, безжалостно быстро летит время! И как же трудно, почти невозможно представить, что 11 февраля исполнилось бы 60 лет Александру Ножкину, замечательному художнику и яркому, необыкновенно яркому и самобытному человеку. О Ножкине-художнике писали, пишут и будут писать специалисты «соответствующего профиля», а я просто хочу вспомнить, как работали вместе в Центрально-Черноземном книжном издательстве, ну и вообще — «каким он парнем был»...

Надо заметить, середина 80-х для молодых сотрудников ЦЧКИ была временем непростым. Во-первых, нас было мало. А во-вторых, невзирая на всяческие якобы «перестроечные» веяния, мы, однако же, так и продолжали по бюрократической инерции оставаться если и не стопроцентными статистами, то уж во всяком случае далеко не передовиками издательского процесса, тон в котором задавала старая гвардия, и задавала порой так, что, вот помню, некую молодую редакторшу неслабо пропесочили на партсобрании за то, что пришла на работу в джинсах. А Виктора Демитриенко, бедного, чуть живым не съели и на полном серьезе называли идеологическим диверсантом — в его «массово-политическую» книжку вкралась до-

садная опечатка: вместо этого же слова, «идеологический», — «деилогический». Кошмар, верно? И боюсь соврать, но как бы не премии квартальной его тогда лишили.

И согласитесь, по всем законам жанра должен, непременно должен был, наконец, возникнуть некий «возмутитель спокойствия». И он возник. На невеселом «молодежно-политическом» фоне, когда нас, хилую кучку «зеленых» ЦЧКИшников, действительно держали в служебном черном теле, в издательстве вдруг — «со стороны деревни Чмаровки», как он потом шутил, — появился новый молодой человек. Новый редактор художественного оформления книг — Александр Ножкин...

И он не просто появился, а — ворвался, влетел, я бы даже сказал, извините, нахально вперся в наш тихий, размеренный мирок — со своим громкоголосьем, щегольской эспаньолкой, лихо закрученными мушкетерскими усами и в офицерских яловых сапогах (вариант — огромных армейских ботинках), которыми принялся регулярно оттаптывать издательским дамам ноги во время каких-нибудь государственно-праздничных танцев.

Да он и познакомился со всеми быстро, стремительно, резко — а народ к подобному как-то и не привык — и сразу же стал вести себя так, будто знает нас сто лет. Мы же... Мы же поначалу были довольно сдержанны. Причина? А причина такая, что пробежал по коллективу слушок: Ножкин — «блатной», племянник приятеля директора, поэтому тот и взял его на работу. Кто-то из женщин даже предупредительно-коварно прошелестел: «Вы, мужички, при новеньком пасть-то на предмет критики начальства особо не разевайте — а вдруг «казачок засланный»?..» И мы попервам ее (пасть) действительно почти не разевали. Тем более что, появившись в издательстве летом 1986 года, Ножкин уже вскоре отправился вместе с генералитетом ЦЧКИ в «побратимскую» командировку в Чехословакию. Однако...

Однако по возвращении Александр (ну, кулуарно, конечно) разразился вдруг такой убийственной критикой в адрес характера пребывания своего «благодетеля» в братской, так сказать, республике, что мы страшно удивились. И вот с того момента ледок в наших отношениях быстро начал таять.

Да и как ему было не таять? Санёк своим темпераментом, напором, бесшабашностью расшевеливал любого. Хотя его стиль общения... Он мог, к примеру, утром брякнуть в коридоре молодой сотруднице: «Слышь, ты сегодня умывалась?» Или — другой: «А чё физиономию еще не нарисовала?» К такому, согласитесь, надо было привыкнуть. Но ничего, привыкали. И этот процесс привыкания-притирания был, в общем-то, двусторонним. Вот помню, сидим в начале рабочего дня в чьем-то кабинете, курим. Молодецки распахивается, едва не слетая с петель, дверь — на пороге Ножкин во всей своей разудалой красе и рот до ушей: «Привет, козлы!» Мы, не сговариваясь, словно по команде, молча и как-то даже грустно уставились на него. Немая сцена, потом я еще печальнее вздохнул: «Здравствуй, Саша...» Глаза его округлились, улыбка сползла с лица: «Да не... ну, это... Я в смысле... доброе утро...» И, аккуратно закрыв дверь, ушел. Обиделся, наверное.

Но на него обижаться всерьез и надолго было просто невозможно. Санёк был человеком того редкого типа, «человеком-праздником», что ли, который создавал вокруг себя какую-то особую ауру — атмосферу приподнятости духа, несущественности проблем, да просто веселья, хотя, возможно, порой и переходил какие-то рамки. Но это он наши «рамки» переходил, а у него были свои. И довольно скоро большинство коллег это поняли, приняли и уже, повторюсь, не обижались. Ну вот, допустим, такой случай. Пришла как-то в голову директору идея, чтобы на традиционную понедельничную планерку каждый сотрудник являлся со справкой-отчетом и зачитывал ее вслух — кто что в производственном плане сотворил

за неделю. А эпистолярный жанр, между нами говоря, был не самой сильной стороной Санькова дарования, и он принес мне черновик, а я отредактировал и отстукал на машинке то, что он имел там в виду. На планерке же все выступили, каждый зачитал собственную реляцию, и...

И директор устроил коллективный разнос: «Безобразие! Работники издательства называется! Простую справку по путю сделать не могут!.. У одного Александра Михайловича отчет толковый, все по полочкам, чин-чинарем...» И народ с лютой завистью уставился на «Александра Михайловича», с невозмутимостью триумфатора подкручивающего по-буденновски ус и даже чуть-чуть отодвинувшегося со своим стулом от основной обхаянной массы: мол, не примазывайтесь. А в коридоре, при выходе толпы из директорского кабинета, похлопал ближайших попавшихся под руки соратников по плечам: «Учитесь, чмошники, справки писать!..»

Нет, но, конечно, в первую очередь, Санёк работал. И как редактор художественного оформления, и как художник. Он оформил массу книг — и «оригинальных», местных авторов, среди которых сразу вспоминается «Сыщик» Владимира Степановича Сисикина, и переизданий. Кстати, ЦЧКИ в перестроечное время одним из первых в стране переиздало сверхдефицитнейшие тогда «Анжелику», «Анжелику в Новом свете», «Анжелику и ее любовь» Анн и Сержа Голон и первым выпустило «Женскую войну» и «Ожерелье королевы» (перепечатывали с дореволюционных изданий) Александра Дюма. Так вот, все эти книги тоже оформил Саша. Но, наверное, самой, в определенном смысле, памятной из книжных его работ того времени стала «Нечистая сила» Валентина Пикуля, которую мы также издали первыми в СССР. Если кто помнит, на обложке того двухтомника красовалось некое жутковатое и... бесполое демоническое существо типа Кощея Бессмертного. Открою страшную тайну: изначально существо то было весьма даже «полым», от чего руководство издательства пришло в неописуемый ужас и категорично приказало Саньку замалевать этот «пол». Деваться некуда — замалевал, а после долго бушевал в своем, да и не только своем, кабинете по поводу «дубов, ничего не понимающих в искусстве».

Что же касается его собственного художественного творчества, то до поры до времени мы с ним практически не сталкивались — и вот, наконец, столкнулись. Всерьез и надолго. Однако сначала столкнулись достаточно оригинально и не сказать чтобы радостно: Санёк привез в издательство, как я сразу окрестил эту пугающего вида конструкцию, «прокатный стан» для печатания гравюр. Тяжеленный же, собака, был и в лифт не влезал! Хотя, может, и влезал, да весом превышал дозволенную инструкцией грузоподъемность, точно уже не помню. И вот мы впятером — сам хозяин, Гера (Георгий) Внодченко, еще один молодой наш художественный редактор, пришедший в ЦЧКИ уже после Ножкина, Витя Демитриенко, Сергей Шишлянников и автор сих строк — еле-еле заволокли того стального монстра на четвертый этаж Дома печати и установили в углу Санькова кабинета. В благодарность же он пообещал давать нам иногда покрутить колесо «прокатного стана» при печатании гравюр. И слово свое сдержал: колесо мы крутили частенько, потому что отныне, когда не рисовал обложки и иллюстрации к книгам, Александр целиком и полностью погружался в собственное и, ясное дело, основное для него творчество. Ну да, где-то года с 1987-го, по-моему, в его творчестве стало доминировать создание офортов в духе русского народного лубка. Хотя, конечно, и не только: порой, как сам выражался, «баловался живописью», занимался деревянной скульптурой (с другом и единомышленником Сергеем Горшковым они даже устроили в издательстве выставку своих творений из дерева; особенным успехом пользовались «щелкунчики»), создавал различные художественные «объекты» и прочее, прочее, прочее. Кстати, на знаменитом сегодня «анти-

жлобовском» стуле, точнее, его оригинале-прототипе, мы частенько сиживали еще в конце 80-х — жлобами-то уже и тогда быть не хотелось. Но все же, мне кажется, «издательский период» творчества Ножкина — это в первую очередь гравюры.

Александр Ножкин

Их было очень много: и одиночные, и серийные. В какой-то момент Саша стал работать циклами: серия листов о Воронеже, навеянная «Чевенгуром» Андрея Платонова; циклы «Разбойники», «Женщины», «Картинки для красивости» и многие другие; сделал ряд очень оригинальных автопортретов — «Культ личности Александра Ножкина» с дарственным автографом стоит у меня на полке. А особенно дорог мне рисунок — Санькова иллюстрация к моему рассказу «Эксперимент» («Молодой коммунар», 1 сентября 1990 года). Герой рассказа по сюжету превращается в страшилище с изрядным числом голов и конечностей. Таковое Саша и изобразил, неофициально окрестив свое детище «Шестируким Многочленом». Увы, это оказался первый и последний факт (или акт) нашего сотворчества, и тем дороже для меня тот замечательный, очень выразительный черно-белый рисунок.

Но на издательской ниве мы продолжали работать совместно. Тут почему-то сразу вспоминаются книги, которые ЦЧКИ делало по заказу знаменитого в советские годы хохольского колхоза «Великий Октябрь», а точнее — его не менее знаменитого председателя Николая Григорьевича Пегарькова. «Хохольских» изданий было несколько, в том числе и две первые в Воронежской области, и как бы даже не в стране, Книги Памяти. Редактором одной был я, другой — Виктор Демитриенко, а худредом обеих — Ножкин. И его работа была самой сложной. Это теперь все делается на компьютере, а тогда он «вручную» — перо и тушь — отретушировал, готовя к печати, несколько сотен старых, порой уже пожелтевших фотографий героев тех книг военных и первых послевоенных лет.

Вообще, работоспособностью Саша обладал удивительной... Нет, конечно, когда производственная атмосфера была спокойной, мог и, так сказать, расслабиться, дурака повалять. Хотя все мы, признаться, тогда, с низу до самого верха издательской «феодальной лестницы», этого самого дурака порой валяли. Время то, конец 80-х — начало 90-х, было какое-то, pardon, стеганутое: одна эпоха вроде закончилась, а другая, поди, еще и не началась; все малопонятно, то весело, то тревожно — как говорится, «наверное, боги сошли с ума», ну и мы вместе с ними немножко тоже. Но... Но когда было нужно, Ножкин «пахал» на все сто. Помню, в преддверии какой-то важной (кажется, зарубежной) для него выставки Санёк месяца три приходил в 6–7 утра, а уходил в 9–10 вечера. Вкалывал, не поднимая головы, — делал гравюры к выставке. Мы аж скучать по нему начали, просили «вернуться», а он только дружелюбно отмахивался: «Отвалите, пентюхи!» Даже в настольный теннис играть не ходил.

Да, кстати, о теннисе. До появления Ножкина в издательстве нам казалось, что играть в него мы вроде умеем. С появлением же Ножкина оказалось, что мы умеем, и то не всегда, лишь перебрасывать шарик на другую половину стола. Ни о каких тушевках, подкрутках, прочих «фигурах высшего пилотажа» и речи не было. И

вот Ножкин взялся нас учить — весьма оригинально, как, впрочем, и все, что он делал. Сидя на стуле. Да-да, он играл, сидя на стуле, и выигрывал, как правило, с сухим счетом — мы просто не могли взять ни одной его крученой подачи. Ну и вот посидит он так на стульчике часок, «надерет» по нескольку раз каждого, потом встанет, покряхтит: «Ох, поясница затекла... — И к двери: — Пойду, скушно мне тут...» И долго, долго он издевался над нами, но ведь научил же, в конце концов, и рубились потом мы в теннис неслабо, даже его самого порой обыгрывали.

А еще когда по всей стране началась борьба за трезвость и в каждой организации стали создаваться соответствующие структуры общесоюзного головного органа, Ножкина единогласно выбрали председателем ячейки трезвости ЦЧКИ. Кто-то из «стариков», правда, предложил было на этот пост редактора художественной литературы Эдуарда Ивановича Баранникова, но тот скромно взял самоотвод, сказав, что надо смелее давать дорогу молодым. Кандидатура Александра прошла на ура, и, вступая в должность, он торжественно приколол значок Общества борьбы за трезвость к своему щегольскому черному берету и произнес яркую программную речь, в которой заявил, что теперь еще сильнее будет бороться с зеленым змием, и попросил коллектив по возможности ему в том помогать. Господи, да конечно же, помогали. Кто же бросит друга в беде?

И вот... И вот время шло-шло, и как-то так вроде и неожиданно для всех оказалось, что работает рядом с нами уже не просто Шурик Ножкин, а известный художник, интервью с которым печатает журнал «Штерн» (корреспондент «Штерна», симпатичная девушка Катя (фамилию забыл), специально для беседы с ним приезжала в издательство), участник всесоюзных и международных выставок, работы которого приобретены национальными музеями и крупными галереями Чехии, Польши, Франции, Италии, Великобритании, США. И, как я написал когда-то: «потому немудрено, что эпоха творческого и имиджевого (так он любил выражаться) роста Александра, совпавшая по хронологии с протиранием штанов и ляпанием обложек к книжкам, которые мы тогда издавали, завершилась, как она и должна была завершиться. Не особо почтительно относившийся к издательским начальникам и к тому же считавший их — наверное, не без оснований — людьми, ничего не соображавшими в искусстве, Ножкин в конечном итоге «оборзел» и забил, как говорится, и на них, и на свою основную работу, а сам с головой ушел в творчество: резал, прокатывал, раскрашивал свои совершенно умопомрачительные и по замыслу, и по смыслу, и по исполнению гравюры». Отношения с директором издательства у него испортились уже давно, и какой-то очередной их конфликт привел к тому, что Санёк написал заявление и уволился.

Но естественно, наше с ним общение не прервалось. Ни мое, ни Вити Демитриенко. Ножкин заходил в издательство, мы — к нему в мастерскую или домой. Дела у него шли прекрасно: новые работы, выставки, заграничные поездки — Англия, Франция, Германия. Он бросил курить и с годами как-то даже малость располнел, посолиднел, порою стал облачаться в костюмы, и даже (о ужас!) с галстуком, хотя в душе, конечно, остался тем же Саньком из 80-х, не терпящим рутины, скуки, серости в жизни, равно как и скучных, серых, бездарных людей.

Витя Демитриенко, став одним из основателей и главным редактором «Русского провинциального журнала “Воронеж”», поместил там материал о Ножкине и его гравюрах. Я сделал интервью в «Губернской газете», за что Александр дал мне пострелять из привезенной им из Германии большой рогатки с прикладом, с которой он иногда ходил к озерам за Северным микрорайоном поохотиться на уток. Творческая жизнь его, повторюсь, била ключом: работа, выставки, всевозможные презентации, публикации в местной и центральной прессе...

21 июня 2000 года Саша пришел ко мне в издательство и, помня о грядущем через несколько дней моем дне рождения, принес подарок — по-моему, одну из

лучших своих работ, «Падение Икара» (с пояснением «Триптих про передвижников, которые елдырят недвижимость, вавилонят безымянную высоту и основывают Кудыкину гору»), сказав, что в сам день рождения, 27 июня, в Воронеже его не будет. Поболтали о всяком-разном, в том числе и о том, что надо бы мне написать о нем и его творчестве большой очерк. На том и расстались. А дня через два, уже глубокой ночью — вдруг резкий телефонный звонок и дрожащий голос Вити Демитриенко в трубке:

— Юрец… Санёк в реанимации, в коме…

И писать нам тогда пришлось совсем в другом жанре…

ПАДЕНИЕ ИКАРА

«…Он умер в больнице, не приходя в сознание. Что же все-таки произошло? Трудно сказать. Сашу нашли рано утром в мастерской, истекающего кровью и с огромной раной на голове. Где, как столкнулся он с подонками, которым, конечно же, было глубоко наплевать на то, что Саньку надо было везти свои работы в арт-галерею в Москву, на то, что он готовился к персональным выставкам в Германии и Париже, и на все-все остальное — да просто, в конце-концов, на жизнь человека… Может, его убили по пьянке, чтобы залезть в карман и купить еще бутылку, — все может быть… Такая страна, такая жизнь, такие люди, такие нелюди…

Когда мы прощались, Саша пожелал мне ни пуха ни пера, но кто же, кто мог подумать, что желать-то надо было мне ему!.. Знаю, бессмысленно и глупо теперь рассуждать: мол, а вот если б поехал тогда с ним, возможно, ничего бы и не произошло. Даже не в смысле, что я бы его там геройски от чего-нибудь спас, а просто — не на той остановке бы вышли, «другой бы улицей прошли», других людей встретили. Или — не встретили… Но — чертова жизнь не признает сослагательного наклонения!..

Александр Ножкин и Виктор Демитриенко. *1987 г.*

Витя Демитриенко в некрологе написал: «Саша любил «битлов» и Высоцкого. Трагическая случайность — он ушел от нас в сорок два, как и Высоцкий...»

Сравнение с Высоцким, конечно, более общедоступно и патриотично, однако у меня перед глазами — Сашка, куражно марширующий и самозабвенно орущий:

We all live in a Yellow Submarine,
Yellow Submarine, Yellow Submarine!..

Все мы живем в Желтой Подводной Лодке...

Саша! Мы все плывем в нашей Желтой Подводной Лодке, и ты плывешь в ней вместе с нами!..

* * *

...Говорят, душа усопшего покидает наш мир.

Сомневаюсь.

И Икар не упал.

Он — просто нырнул.

Нырнул, чтобы остудить разгоряченные крылья и взлететь снова.

И пускай это случится когда угодно и где угодно. В любом времени и в любом измерении.

Но это — случится.

Обязательно случится!

И вообще, все близкие души когда-нибудь обязательно будут вместе...»

...Сань, вчера в Камерном театре, как раз 11 февраля, открылась твоя выставка. Было много близких тебе людей. Огромная благодарность Ирине, Жене и Сереже Горшкову!

Сань, а Александр-младший страшно похож на тебя. И внешне, и внутренне, тем более что «внутренность» эта активнейшим образом знакомо выплескивается в окружающий мир. Гены, Сань, гены! И между прочим, скоро у тебя будет еще и внучка.

А выставка, Сань, замечательная. Ты как всегда на высоте!

Мы помним и любим тебя, Саша...

□ □